

Крепости двух индийских цивилизаций: теория и факты

Eltsov P. A. From Harappa to Hastinapura: A Study of the Earliest South Asian City and Civilization. Boston-Leiden: Brill, 2008. 240 p.

Автор и структура книги. В 2008 г. в издательстве «Брилл» (Бостон — Лейден) вышла отлично изданная книга молодого американского исследователя, русского эмигранта Петра Ельцова, чье имя выведено на обложке и титуле полностью в русском звучании: Piotr Andreevich Eltsov (кстати, с нарушением правил: если транскрипция, то P'otr или Pyotr, если транслитерация, то Petr).

Сын известного профессора химии, Ельцов учился в Ленинграде в Пединституте. Увлекаясь Индией, он хотел перевестись на восточный факультет Университета, но не получил рекомендации райкома, а без нее на этот факультет не брали. Удалось поступить в аспирантуру Института востоковедения АН СССР, где Ельцов изучал индийскую филологию, а в 1994 г. ученый эмигрировал в США. Там продолжил образование сначала в Калифорнийском университете, потом в Гарварде. В последнем специализировался по археологии. Ездил с видными археологами на раскопки в Индию и в Закавказье. Затем проводил самостоятельное обследование индийских древностей. Защитил диссертацию. Результат — книга «От Хараппы до Хастинапуры: Исследование ранних южноазиатских города и цивилизации».

Книга состоит из шести глав. В первой дается теоретическое введение ко всей книге. Эта глава очень важна, потому что вся структура исследования, его логика и подбор материала подчинены теоретическим конструкциям этой главы и без нее рассыпаются. Эти конструкции дают Ельцову возможность искать преемственность между хараппской культурой и культурой исторических индоариев долины Ганга, считать такими связующими элементами укрепления и признаки цивилизации и ставить вопрос о том, что индийская цивилизация разных тысячелетий обладала неким единством, и что определяющую роль в ней, возможно, играл не город, а деревня была более значимой.

Во второй главе рассмотрены взгляды древних индийцев на город в общем контексте древних представлений о городе. В третьей главе представлен каталог укреплений индийской цивилизации Ганга — древней индоарийской, по общему признанию. В четвертой — такой же каталог укреплений более древней цивилизации Инда, хараппской, которую лишь некоторые (преимущественно индийские) исследователи связывают с ариями, а большинство считает доарийской. В пятой главе дается такой же обзор понятия цивилизации в представлениях древних индийцев, какой во второй главе имел предметом

понятие города. В шестой главе рассмотрены возможные археологические со-ответствия этому понятию цивилизации.

В толковом и полезном предисловии к книге научный руководитель авто-ра проф. К. Ламберг-Карловский подчеркивает, что автор внес свежий вклад в американские исследования, опираясь на свою российскую выучку, потому что, в отличие от Запада, именно в российской традиции античная и ориен-тальная археология представляют собой единое целое с первобытной архео-логией, а именно это соединение характеризует подход автора.

Со своей стороны, я могу добавить, что в работе Ельцова, несомненно, ска-залось его американское археологическое образование. Возможно, именно благодаря тому, что он — неофит в американской науке, а неофиты обычно с особым энтузиазмом воспринимают возможности, открываемые новой сре-дой, в книге хорошо видны и сила и слабости американской археологии.

Ельцов хорошо воспользовался открывшимися возможностями: проработал огромную литературу, недоступную ему на родине или доступную лишь с ве-личайшими трудностями; взял консультации у самых разных специалистов во всех концах мира; поездил по территориям и памятникам, практически закры-тым для советских и российских ученых; получил средства на раскопки дальних памятников в немыслимых на родине размерах; был избавлен от ежедневной заботы о хлебе насущном, жилье и т. п. Он работал, работал и работал. В ре-зультате перед нами — добротный, самый полный на сегодняшний день обзор памятников указанных категорий.

Критика «субъективного гуманизма». Открытость автора новым взгля-дам, свежим идеям, скептицизм по отношению к старым догмам и толерант-ность производят хорошее впечатление. Однако автор не избежал обычных для американской археологии черт — узости и поверхностности теоретических рассуждений, безоглядного увлечения модными идеями и стремления подчи-нить им разработку фактов, причем в фактах оцениваются только те стороны, которые подтверждают или не подтверждают эти идеи. Типичный европейский исследователь, особенно немецкий, поступил бы иначе. Изложив данные ката-лога, он затем постарался бы всесторонне рассмотреть связи этих материа-лов с другими археологическими (например связать фортификации с разными видами вооружения, понять, что защищали, от кого и т. п.), затем сопоставить с иными видами источников (текстовыми, природными), затем построить раз-ные гипотезы и оценивать обоснованность их материалами. Признаться, эта манера исследований вызывает у меня больше доверия.

Автор опирается на идеи Уолтера Тэйлора. Уолтер Тэйлор — гениальный и при жизни отвергавшийся американский археолог. Но он-то как раз говорил, что американская археология нездорова, выбрасывает неперевавленную пищу. Что надо не просто перечислять виды горшков, а посмотреть, с чем горшок сопряжен в жилище — с другой посудой, очагом, запасами пищи и т. д. (Taylor 1948). Таким образом, он проповедовал в археологии функционализм. Его «со-прягательный подход» явно потребовал бы сопряжения укреплений с содержи-мым домов внутри них, с анализом мастерских, с торговлей икладами и т. п.

Поскольку я к памятникам Индии обращался со стороны и не являюсь специалистом по ним, я не могу более детально оценивать представленные

обзоры. Но, давно занимаясь теорией археологии, я могу надеяться, что мои соображения о теоретической главе пригодятся автору в дальнейшей работе, а читателям — в оценке приемлемости всей нынешней конструкции.

Глава эта называется «От исторических действующих лиц (historical agents) к структуре: новый метод изучения древней Южной Азии». Эта формулировка связана с модным течением в постмодернистской археологии, объявившим индивидов главным объектом исторического и археологического рассмотрения. «Человеческие действия — индивидуальные или групповые — главная движущая сила в истории» (с. 4).

Течение это совершенно неплодотворно в науке, ничего в археологию не внесло, никаких методов исследования не разработало, его единственная цель — противостоять всем видам детерминизма. Между тем, если в каждом отдельном событии истории действительно трудно предсказать с точностью действия личности, то, как только мы переходим к анализу массовых явлений, в силу вступают вероятностные законы, и все становится очень предсказуемым — с большой вероятностью. Это хорошо показал еще Э. Дюркгейм в своем классическом произведении «Самоубийство», показывал и Э. Тайлор (который, кстати, не раз перепутан с Тайлером в предисловии к книге). Поэтому разные виды детерминизма, которые, конечно, незачем абсолютизировать, как это нередко делали их ранние пропагандисты, всё же в определенных границах вполне реальны и должны учитываться.

«Подобно антропологам, — пишет автор (с. 3), — многие историки отбросили идею сайентизма и восстали против познаваемости человеческого общества... Более того, историки постоянно поднимали вопросы субъективности, релятивности и рефлексивности».

Свою философию истории автор называет «субъективным гуманизмом» (subjective humanism, имеется в виду гуманитарность). Более складно звучал бы перевод «гуманитарный субъективизм».

Суть этого «метода» автор излагает в четырех положениях.

1. «Изучение прошлого — антропологического или исторического — по природе гуманитарно. Говоря философски, это означает, что свободная воля господствует над необходимостью и что необходимость играет малую роль или никакой в историческом процессе» (с. 4). Под необходимостью Ельцов имеет в виду закономерность. А как быть с тем, что свободная воля одних людей (послабее) наталкивается на свободную волю других (посильнее) и пасует? А ведь она упирается еще и в природные препятствия, которые нередко создают явную «необходимость» остановиться. Если бы ученый был прав, то социологические предсказания на выборах были бы совершенно невозможны, а они чаще всего оправдываются.

2. «Регулярности, конфигурации и структуры, как и аналитические модели, суть существенные продукты исследования отдаленного прошлого, особенно если это прошлое известно по фрагментарным археологическим материалам. ...Будучи как отражением прошлого, так и созданием нашей мысли, структуры и модели являются мостами между субъектом и объектом, прошлым и современностью, самим собой и другим» (с. 4). Смысл этого рассуждения — в переносе центра тяжести с оперирования реалиями на менее ответственную игру с моделями в надежде, что она уберет от ошибок и приблизит к решению

проблем. Модель лишается своего методически точного смысла, всякое утверждение оборачивается моделью, всякая гипотеза оказывается вечной гипотезой без надежды когда-либо стать фактом или теорией. При такой постановке физика и биология оставались бы всегда на бумаге, не превращаясь в технику.

3. «Чисто научной и объективной интерпретации прошлого не может быть, ибо любой антропологический или исторический нарратив, который претендует на представление прошлого, содержит в себе поэтический компонент и является предметом того же самого структурного, стилистического и лингвистического анализа, что и любой другой нарратив» (с. 4). Да, элемент искусства содержится в любом изложении научной мысли. Но тот не ученый, кто не умеет вычленив из этого стилистического разнообразия научные мысли и факты. Фабулу и материал вычлениают даже из художественных произведений (только там это — не главное), что уж говорить о науке!

4. «Социополитическая ментальность исторических действующих лиц — это неотъемлемая часть событий, явлений, процессов, структур и моделей прошлого». Опираясь на Коллингвуда и Бахтина, Ельцов заявляет, что «прошлое как таковое не существует без идей тех, кто жил в нем или мыслил о нем» (с. 5). Это ведет Ельцова к идее, что «подлинный путь к пониманию Индии лежит через использование туземных категорий» (с. 5). Это не новая идея когнитивной антропологии и археологии о необходимости ухватить то, что есть (было) в головах туземцев (или людей прошлого), и что для этого необходима реконструкция туземных (прошлых) терминов и понятий. Идея эта заведомо гиблая, потому что такое восстановление в большинстве случаев очень проблематично, а главное — не так уж и нужно: древние люди были, конечно, ближе к своим вещам, но не знали очень многих данных о них же, которые известны нынешним ученым. Они классифицировали эти вещи по своим навыкам и задаткам, принципиально отличным от критериев современных ученых (ср. Лурия 1974). А нам, если мы не изучаем специально мышление древних, нужнее типология по современным критериям, пригодная к современному изучению реалий.

Любопытно, конечно, что называли городом древние индийцы (это определяет состояние строительного мышления того времени), но это в очень малой степени должно повлиять на определения современной науки, что есть город, какие есть типы городов и как они взаимодействовали. Конечно, восстановление древних понятий (там, где оно возможно) небесполезно — оно помогает составить представление о древнем мышлении, а затем можно проследить, не сказалось ли это мышление на археологических объектах — но не наоборот (не стоит ожидать, что объекты отразились в понятиях древних объективнее, чем в наших классификациях).

Основы кооперации наук. Когда автор переходит к соотношениям археологии с другими науками, он прежде всего вдается в их определение. Тут бросается в глаза совмещение понятий 'археология как наука' и 'археология как предмет исследований', то есть 'археологические источники'. Всё это у автора фигурирует под термином «археология». Когда он говорит об археологии как вспомогательной дисциплине, он имеет в виду науку, когда же называет археологию «блудным сыном», запутавшимся между антропологией, историей

искусств и классическими студиями, он имеет в виду археологические источники, к которым обращается каждая из этих отраслей.

Продолжая идею Уолтера Тэйлора, он делит археологию на «собственно археологию» (*«archaeology per se»*) и «археологию как интерпретацию», которую почему-то отождествляет с «археологией как текстом». Это дает ему основание объявить первую «техникой», а вторую — «гуманитарной дисциплиной». С техническими дисциплинами в археологии сопоставимы лишь некоторые операции и некоторые функции. Текстом в точном смысле слова является лишь знаковая фиксация информации о памятниках или об их исследовании, а гуманитарным знанием археологию объявляют те, кто считает ее отраслью истории или филологии. Эту идею отвергают те, кто сближает ее с антропологией, социологией или точными науками. На мой взгляд, вообще археология не относится ни к точным, ни к гуманитарным дисциплинам, но это подробно разбирается в других моих работах (Клейн 2001; 2004). Здесь достаточно сказать, что археология не текст, а текст — не гарантия гуманитарности (в его анализе есть и чисто технические и точные аспекты).

Далее автор переходит к сопоставлению истории с антропологией. Он считает, что обе произошли от одного корня, в обеих главным был поиск законов или структур, только в истории преобладала диахроническая перспектива, а в антропологии — синхронический срез развития общества. Но, по мнению автора, обе дисциплины сливаются: «Обе дисциплины имеют множественные, текучие и смыкающиеся идентичности» (с. 4). И это дает понять, «как антропология и история могут сотрудничать».

Эта установка позволяет понять, что автор путает историю с социологией, совершенно в его перечне отсутствующей, и что он очень поверхностно представляет себе антропологию. Прежде всего нужно уяснить разницу между историей и социологией. Социология выявляет законы функционирования и развития общества, история — причинно-следственную связь событий в ходе развития общества. В обеих исследователь занимается законами и фактами. Но в социологии он из анализа массы фактов (некой выборки) выявляет закон, после чего эти факты ему не нужны. Факты для него взаимозаменяемы. Для историка факты не взаимозаменяемы, они важны и сами по себе. Наполеон и Суворов интересны каждый особо и не могут быть переставлены. Историк не ищет законы, он ищет их проявление (многих законов) в одном сочетании фактов (Гулыга 1968).

А антропология? Оставим в стороне антропологию как американское обозначение группы наук (от лингвистики до преистории и психологии). Здесь оно ни при чем. Имеется в виду явно антропология как особая дисциплина, то есть культурная антропология американцев или социальная антропология англичан. В России этому более или менее соответствует этнография или, по новому обозначению, этнология и этнография (объяснительный и описательный аспекты изучения этнической культуры). По отношению к истории это дисциплина, которая, подобно археологии, изучает источники, но другой их вид — не материальные древности, а живую народную культуру и сохранившиеся в ней пережитки. Каково же отношение антропологии к этим дисциплинам — этнологии, этнографии, да и культурологии?

Понять логику формирования этой дисциплины помогает соотношение между физической антропологией и медицинскими науками — анатомией, физиологией. Медицинские науки изучают наличие нормы здорового тела и отклонения от нее, обозначаемые как болезни. А физическая антропология изучает наличие и формирование разных норм и соотношения между ними. Таковы же соотношения между этнологией, этнографией и т. п. и культурной (социальной) антропологией. Этнография, этнология, культурология и социология — все они изучают социокультурную норму вообще или для данной культуры. А культурная антропология сформировалась как наука, изучающая разные нормы в культуре. То есть, культурная антропология — это по сути сравнительная культурология (или сравнительная социология). Ей изначально присущ релятивизм. Поскольку она изучает и развитие культурных норм, диахронический аспект в ней также есть (а поскольку история делает и международные обзоры для исторических моментов, в ней есть и синхронный аспект).

Если принять эти определения наук, то каково же место археологии в этой системе? Археология — никакая не история и не антропология. Она обрабатывает материальные древности как источники познания прошлого и готовит их для понимания вне археологии, т. е. переводит на язык и др. Затем она составляет полученные данные истории, социологии, антропологии и другим наукам. Это науки синтеза. Они получают данные не только от археологии, но и от письменного источниковедения, от лингвистики, этнографии, фольклористики, физической антропологии, генетики и др. и должны синтезировать эти данные в единую концепцию (Клейн, указ. соч-я).

Создавать исторические концепции сама археология не вправе. У нее для этого недостаточно материалов — сугубо археологическая история будет односторонней и, следовательно, искаженной. Нет у нее и собственных методов синтеза. Это не значит, что отдельный исследователь не вправе самостоятельно предпринять и историческое исследование, исходя из своих материалов. Но, приступая к нему, он должен оставить археологию и перейти на методы и материалы другой науки.

Это ограничение, эта установка исследовательской скромности неприятна многим археологам, жаждущим решать глобальные проблемы, но в науке важные открытия делаются на разных участках, на разных ее ступенях. Сотрудничество всех этих дисциплин — сложная проблема. Требуется строгая разработка методов каждой дисциплины и, в частности, методов синтеза информации из разных источниковедческих дисциплин. Так просто они не смыкаются.

Над проблемой синтеза археологических данных с письменными источниками много поработали немецкие ученые (Э. Вале, Г.-Ю. Эггерс, Р. Гахман). На эту стезю вступил и Петр Ельцов. Вне зависимости от некоторых высказанных им интересных идей можно заключить, что больших успехов на этом пути можно ждать в связи со значительным расширением категорий археологического материала, от разработки специальных методов синтеза разных видов источников и от пересмотра теоретической программы.

Его теоретические разработки представляются плодотворными не из-за конкретных предложений, а из-за самой интенции теоретического осмысления проблемы синтеза. Смелость в этом вопросе нужна, потому что исследования застряли на месте полвека назад. Смелыми представляются и его

другие идеи — выявления преемственности культур Инда (хараппской) и Ганга (индоарийской), несмотря на большой хронологический разрыв между ними, передвижка внимания с города на деревню в анализе социального содержания индийских цивилизаций. Производит впечатление и масштаб овладения материалом. Всё это показывает, что в науку об индийских цивилизациях вошел деятельный и талантливый молодой исследователь.

Литература

- Гулыга А. В. 1968. История как наука // А. В. Гулыга (ред.). Философские проблемы исторической науки. М.: Прогресс. 7–50.
- Клейн Л. С. 2001. Принципы археологии. СПб.: Бельведер.
- Клейн Л. С. 2004. Введение в теоретическую археологию. Книга I. Метаархеология. СПб.: Бельведер.
- Лурия А. Р. 1974. Об историческом развитии познавательных процессов. Экспериментально-психологическое исследование. М.: Наука.
- Taylor W. W. 1948. A study of archaeology // *American Anthropologist* 50. 3. 2.